

Калинина Д. А.

**ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫМ ПОСОБИЕМ ОТ
КАЗНЫ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/26.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 65-67. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

М.С. Каган выделяет «научение» как передачу умений и рассматривает его в качестве первого способа усвоения культуры, который является основой для воспитания и образования. Он пишет: «Первый способ присвоения материальных артефактов – использование предметов по их прямому назначению: польза реализуется в использовании вещи, тела, организма. ... Однако для понимания культурного бытия такого рода вещей чрезвычайно важно видеть, что процесс потребления имеет и другую, как бы скрытую от непосредственного наблюдения сторону – формирование ненаследуемых умений пользоваться этими вещами: умений по-человечески есть, пить, одеваться, оперировать ножом, вилкой, иглой и молотком, печью и плугом. Такое простое употребление вещей становится способом приобретения разнообразных практических умений, неизвестных и недоступных животным и составляющих базовый механизм культуры как средства ... превращения человека в наученное, освоившее навыки культурных действий существо» [Каган 1996: 289-290].

Таким образом, мы выделяем третий механизм воспроизводства культуры, с помощью которого человек овладевает умениями и навыками использования культурных артефактов. Это – обучение (если не рассматривать его как часть образования) или «научение», согласно терминологии М.С. Кагана.

Итак, в процессе воспитания себя воспроизводит ценностно-ориентационная культура, основным содержанием которой являются ценности; она более эмоциональна, субъективна и отличается решающей ролью общения. С помощью образования как процесса передачи систематизированных знаний усваивается познавательная культура, которая формирует человека, а затем с помощью образованных людей производит новые знания и тем самым развивает себя. Благодаря обучению или «научению» индивид усваивает нормы культуры, которые не передаются по наследству с генами человека.

Список литературы

- Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 1995.
Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. – М., 2000.
Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996.
Колесников Л. Ф., Турченко В. Н., Борисова Л. Г. Эффективность образования. – М., 1991.
Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997.
Легенький Г. И. Цель и способы воспитания. – М., 1990.
Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.
Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2000.
Харламов И.Ф. Педагогика. – М., 1999.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫМ ПОСОБИЕМ ОТ КАЗНЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Калинина Д. А.

Вятский государственный гуманитарный университет

Политическая ссылка конца XIX – начала XX в., хотя провозглашалась лишь мерой «предупреждения преступлений против существующего государственного порядка» [1], но вбирала в себя и функции наказания. Так, учреждение гласного надзора влекло за собой ограничение свободы передвижения, права выбора места жительства, установление регулярного надзора со стороны полицейских чинов, а также определённые материальные лишения. Последнее было связано с необходимостью поиска работы для ссыльных, которые не имели достаточных собственных средств и не могли обеспечить своё существование в период нахождения под надзором в той или иной губернии.

Поиск регулярного и достойного заработка был делом достаточно сложным. Помимо ограничений в выборе вида деятельности, налагаемых «Положением о полицейском надзоре, учреждённом по распоряжению административных властей» [2] от 12 марта 1882 г., существовала проблема, связанная с социально-экономическими особенностями региона. Для Вятской губернии, как и большинства местностей, определённых под ссылку политически опасной части населения, была характерна чрезвычайно низкая потребность в рабочей силе. Это касалось в основном труда, не связанного с постоянными физическими нагрузками. Исключение составляли лишь технические профессии, специалистов по которым в губернии не хватало.

В результате подавляющая масса гласных поднадзорных во всех ведомостях о ссыльных фигурировала как «не имеющая определённых занятий» или «ничем не занимающаяся» [3].

По законодательству о политических ссыльных в случае невозможности самостоятельного приобретения средств существования либо по причине слабого здоровья, либо неспособности найти работу по специальности, поднадзорные получали денежное пособие от казны.

Циркуляром от 30 декабря 1898 г. был чётко очерчен круг трат, которые могли быть отнесены на счёт казны: издержки на содержание лиц; на наём квартир в размере 1,50 руб. и только для привилегированных ссыльных; пособие на приобретение одежды, обуви, плата за лечение; средства на перевозку и содержание в пути лиц, высланных под надзор [4].

Положение от 12 марта 1882 г. установило правило выдачи денежного пособия, в том числе и членам семей высланных, последовавшим за ними в места водворения. При назначении пособия продолжал действовать сословный принцип. Это выражалось в первую очередь в неравнозначности суммы казённых выплат представителям тех или иных сословий. Пособие выдавалось в размере 1,50 руб. для непривилегированных и 4,50 руб. для привилегированных лиц. Исключение из этого правила делалось лишь для образованных поднадзорных. С 1879 г. ссыльным крестьянам, мещанам, окончившим среднее или высшее учебное заведение, выдавалось пособие от казны в размере 4,50 руб. [5] Например, ссыльный крестьянин П. И. Стучка, являющийся кандидатом прав Санкт-Петербургского университета, получал пособие наравне с представителями привилегированного сословия [6].

Сословный принцип также проявлялся в порядке назначения соответствующих выплат. Далеко не все политические ссыльные, которые не нашли себе работу, дающую средства к существованию, получали пособие от казны. И если представителям привилегированных сословий, не имеющих собственных средств, денежные выплаты назначались в обязательном порядке, то для остальных категорий населения существовали определённые условия, выполнение которых способствовало получению казённого пособия. Гласным поднадзорным из мещан и крестьян необходимо было представить веские доказательства своей неспособности к труду из-за пошатнувшегося здоровья или невозможности найти заработок с помощью того ремесла, которым он владел. Более того, многим представителям непривилегированных сословий, не нашедшим работу по своей профессии, настойчиво предлагалось искать иные занятия. Как правило, это был неквалифицированный труд: ссыльные нанимались чернорабочими и выполняли поденные работы.

Кроме пособия на содержание Положением были определены выплаты для найма квартир, так как политическим ссыльным местная власть бесплатного жилья не предоставляла. Однако эта денежная помощь распространялась только на привилегированных поднадзорных. В результате гласные поднадзорные вынуждены были снимать квартиру сообща. Так, в г. Нолинске ссыльный М. Я. Ситников и его жена делили квартиру с семьёй родственника В. В. Пазухина, также находящегося под надзором [7], в г. Уржуме на одной квартире проживало сразу пятеро гласных поднадзорных: П. А. Брюханов, В. И. Аркадьев, П. Д. Андреев, И. Д. Чернышёв и К. С. Еремеев [8].

Пособие от казны назначалось не только самому поднадзорному, но и его жене и детям, если они последовали за ним в место водворения. Жена получала денежные средства, наравне с мужем, каждому ребёнку полагалось содержание в размере 50% от суммы казённого пособия отца.

Основанием для назначения пособия от казны было прошение со стороны политического ссыльного на имя губернатора. В свою очередь уездный исправник или полицмейстер в текущих ведомостях о лицах, состоящих под гласным надзором, отмечал, действительно ли ссыльный нуждается в денежной помощи и почему он не может самостоятельно обеспечивать своё существование. Губернатор циркулярно предписал уездным исправникам регулярно подавать сведения о материальном положении гласных поднадзорных, претендующих на получение пособия. Тот факт, что в 1903 г. предписание было продублировано [9], говорит о его невыполнении исправниками, вероятно, вследствие сложности сбора подобных сведений.

С 27 марта 1881 г. денежное пособие от казны для всех гласных поднадзорных в губернии начислялось в примерных суммах на целый год. На практике же подобный способ перечисления средств на столь продолжительный промежуток времени привёл к ряду неудобств. В течение года изменялся состав поднадзорных: часть ссыльных выбывала за окончанием срока надзора, прибывали новые гласные поднадзорные, не учтённые в требовательных ведомостях на пособие. Это приводило к образованию на местах крупных денежных остатков, послуживших основанием к сокращению Государственным советом кредита с 300 до 100 тыс. руб. [10], длительной переписке по поводу учёта и пересылки данных средств. К тому же рассредоточение по губерниям значительной части общего кредита на пособия гласным поднадзорным в больших размерах, чем это было необходимо, привело к сокращению свободного остатка в распоряжении Главного Казначейства и «невозможности, вследствие сего, своевременно удовлетворять требования о дополнительных ассигнованиях» [11].

Вышеперечисленные трудности в применении циркуляра от 27 марта 1881 г. привели к тому, что министр внутренних дел И. Л. Горемыкин 30 декабря 1898 г. ввёл новую систему перечисления кредита на пособия политическим ссыльным. Теперь ассигнования средств для поднадзорных производились по третям года (январской, майской, сентябрьской). Перед каждой третью из губерний присылались требовательные ведомости, в которых указывалось, сколько человек испытывает необходимость в назначении или продлении пособия на содержание и наём квартиры. На основе данных ведомостей производились ассигнования средств во все губернии. Это позволило точнее проследить изменения в составе поднадзорных и сократить количество остатков от кредита до разумного минимума.

В 1898 г. произошло ужесточение условий предоставления денежных выплат на нужды гласных поднадзорных. Предписывалось проводить тщательную и строгую оценку условий, при которых может быть допустимо назначение пособий. Сразу на начальной стадии отбрасывались ходатайства лиц, добровольно выбравших место водворения, имеющих собственные средства и пользующихся помощью других лиц, имеющих заработок или не желающих добывать средства трудом при полной к тому возможности [12]. Представители привилегированных сословий по-прежнему находились в более выгодном положении. Так, ссыльному дворянину В. Г. Сущинскому, получавшему от родных достаточные средства, одновременно было назначено пособие на содержание и аренду жилья [13].

Необходимо отметить, что назначение пособия в минимальной степени зависело от поведения гласного поднадзорного. Зачастую лица, склонные к антиправительственным высказываниям, продолжали получать средства от казны. Например, в г. Орлове политический ссыльный Д. А. Телятинский, несмотря на распространение пропаганды и подстрекательство населения к подаче необоснованных жалоб на должностных лиц, продолжал получать пособие от казны [14].

Недовольство ссыльных скромностью пособия привело к тому, что губернаторы стали направлять в министерство внутренних дел ходатайства об увеличении денежного пособия от казны. Однако результатов это не принесло, и размер выплат остался прежним.

Наряду с денежными выплатами на содержание и аренду жилья, политическим ссыльным выдавались средства на приобретение одежды и лечение в больнице. Пособие на одежду выдавалось отдельно, на него заводилась своя требовательная ведомость, в которой были подробно расписаны предметы летней и зимней одежды с точным указанием цены того или иного предмета гардероба, необходимого каждому отдельному ссыльному. Было предписано, что данная денежная выплата будет назначаться тем поднадзорным, которые пользуются пособием на содержание и лишь при действительной необходимости в этих вещах, если по истечении определённого срока «вещи оказываются годными к носке, то заменяются новыми не прежде, как впадут в негодность» [15]. Пособием пользовались представители как привилегированных, так и непривилегированных сословий, не имеющие собственных средств для приобретения одежды и обуви.

Нуждающиеся ссыльные также могли лечиться в больнице за счёт казны. Администрации казённых и общественных больниц отправляли губернатору требования об оплате расходов на медикаменты и лечение гласных поднадзорных. Эти требования сводились в единую по всей губернии ведомость и отправлялись в столицу, только после этого казна переводила необходимую сумму денег для погашения долга перед больницами.

В целях сокращения расходов государства на политических ссыльных в 1864 г. прекращалось перечисление средств на содержание и наём квартиры на период нахождения гласного поднадзорного на лечении в больнице [16]. Находиться на лечении в больнице могли не только политические ссыльные, получающие пособие на содержание, но и лица без средств на лечение, такого пособия не имеющие [17].

Таким образом, обеспечение гласных поднадзорных денежным пособием от казны осуществлялось в строгом соответствии с законодательством о ссыльных и было направлено на облегчение материального положения лиц, испытывавших финансовые трудности. Назначение денежных выплат косвенным образом преследовало цель успокоения опасной для государственного порядка части населения. Однако сохранение сословного неравенства, а также жёсткие условия при назначении пособия способствовали тому, что лишь незначительная часть поднадзорных получала финансовую поддержку от правительства, что вело к обострению отношений между политическими ссыльными и сторонниками традиционного государственного устройства.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 2.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 2–4.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 164. Д. 250; и др.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 69 об.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 9.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 342. Л. 234.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 19 об–20.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 199. Л. 85 об–86.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 26.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 69 об.
11. Там же.
12. Там же.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 382. Л. 13 об–14.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 186. Л. 114 об–115.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 70.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 1.
17. Там же. Л. 2.